

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.161.1
DOI 10.25991/AE.2023.1.1.001

А. А. Азаренков

Азаренков Антон Александрович — кандидат филологических наук, доцент НИУ ВШЭ (СПб), Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
azarenkov.aa@yandex.ru

МОТИВЫ ХРИСТИАНСТВА В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И. БРОДСКОГО*

В статье представлен анализ мотивов христианства в поэтической системе Иосифа Бродского. Предметом осмысления стал религиозный опыт Бродского как факт его творческой биографии. Рассмотрено место христианской доктрины в размышлениях Бродского о поэзии. Проанализированы некоторые особенности бытования христианских тем, мотивов и образов в лирике Бродского.

Ключевые слова: И. Бродский, христианские мотивы, поэтика.

A. A. Azarenkov**THE MOTIVES OF CHRISTIANITY IN THE POETIC SYSTEM OF J. BRODSKY**

The article presents an analysis of the motives of Christianity in the poetic system of Joseph Brodsky. The subject of reflection was Brodsky's religious experience as a fact of his creative biography. The place of Christian doctrine in Brodsky's reflections on poetry is considered. Some features of the existence of Christian themes, motifs and images in Brodsky's lyrics are analyzed.

Keywords: J. Brodsky, Christian motives, poetics.

Иосиф Бродский — представитель «второй культуры» СССР 1960-х — начала 70-х гг. с ее постулированием личной свободы, вниманием к «последним вещам» философии, уходом в мировую культуру, интеллектуальным голодом и поиском, если воспользоваться определением О. Седаковой, «обновляющих архаизмов» в области формы [4, с. 224]. Признаваемый круг поэтических влияний у Бродского давно определен исследователями — от Донна до Элиота; важнейшие для Бродского авторы — Цветаева, Кавафис, Оден. Бродского отличает установка на интеллектуализм, кроме того, он тонкий ценитель литературы, поэт-философ.

Не секрет, что Бродский для всей неподцензурной поэзии — фигура центральная, если не символическая. Как говорит О. Седакова, после отъезда Бродского многие авторы более младшего, то есть ее поколения напрямую соотносили себя с его творческой манерой — то как эпигоны, то как последовательные критики. Как мы покажем далее, этот логический закон «исключенного третьего» не работает в случае с Седаковой, всегда выбирающей, как она сама любит повторять, точку зрения, равноудаленную от обеих крайностей. Однако эта необходимость Бродского объясняет его присутствие в мысли и творчестве Седаковой — прямо или не называемо, но вполне различимо.

Иосиф Бродский вырос в обычной советской семье. «Обычность» эта выразилась в полном равно-

душии к вопросам веры и, судя по всему, на этом и заканчивалась. Еврейство как социальная стигма в случае с Бродским выделяет его на «обычном» социалистическом фоне.

Начальные уроки христианства поэт получили от «бывших», то есть «старорежимных», людей [5]. Бродский, по собственному признанию, до 22 лет считал себя «нормальным советским молодым человеком», «дикарем во всех отношениях», пока в его жизни не появилась Ахматова: «Если мне и привились некоторые элементы христианской психологии, то произошло это благодаря ей, ее разговорам, скажем, на темы религиозного существования» [1, с. 120].

Что касается восприятия Бродским христианства, то хорошо известна его колеблющаяся позиция, граничащая с агностицизмом. В доэмигрантский период Бродского, как и большинство представителей литературного подполья тех лет, можно отнести к представителям так называемой «бедной религии» (понятие, придуманное Михаилом Эпштейном для неритуализированных, стихийно-творческих поисков абсолюта [7]). В эмиграции Бродский часто уходил от вопросов своих интервьюеров о религиозной идентичности, иногда называя себя кальвинистом [3, с. 43], что ни слушателями, ни, кажется, самим поэтом всерьез не воспринималось. Поэт похоронен на протестантском кладбище на острове Сан-Микеле не в последнюю очередь потому, что

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01671, <https://rscf.ru/project/22–28–01671/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

ни православная, ни католическая стороны не увидели достаточных оснований считать Бродского «своим».

В своих теоретических эссе Бродский не только ипостазировал, но и обожествлял язык. В языке поэт видел разумную силу, проявляющую себя в том или ином качестве в разных поэтах. Именно язык побуждает чуткого автора к письму. Эта сила влияет как на частную жизнь пишущего, так и развитие всей истории — подобно античному фатуму или библейскому Святому Духу. Закономерно, что в христианской — даже не религии, а фразеологии — Бродский особенно выделяет, а затем активно использует в своих размышлениях сопоставления языка, Времени и Бога [2, т. V, с. 260].

Язык, дистиллированный и «ускоренный» поэтической композицией, всегда стремится, по Бродскому, к состоянию Слова, своему максимально уплотненному, сверхкультурному бытию. Очевидно, что и образ Христа, воплощенного Слова, для Бродского выступает аллегорией абсолютной целостности, невозможной вещью в мире тотального распада; Бродский пишет об этом в прозе, но выразительнее всего, вероятно, в стихах: «Только то и держится на гвозде, / что не делится без остатка на два» («Римские элегии»).

Главным же принципом композиции, «выталакивающей» поэта к Слово, Бродским называется центробежность — поступательное смысловое расширение. На уровне системы образов это означает дозволение себе довольно свободно обращаться с некоторыми христианскими константами, такими как Рай, Ад, ангел, Христос... «Идея Рая есть логический конец человеческой мысли в том отношении, что дальше она, мысль, не идет; ибо за Раем больше ничего нет, ничего не происходит. И поэтому можно сказать, что Рай — тупик» [2, т. VII, с. 72] (и далее поэтическому языку выписывается санкция преодолеть этот тупик, говорить о чем-то дальше самого Рая. Это одна из самых часто повторяемых мыслей в поэтологии Бродского, очень рано нашедшая воплощение в стихах: «Большая элегия Джону Донну», где душа поэта Донна, т. е. его дар, поднимается выше Бога, написана уже в 21 год). По Бродскому, «пишущий под диктовку языка» обязан «довести образ до логического конца», сделать «следующий шаг», что в ряде случаев означает отход от догмы [1, с. 61–62].

Тем не менее христианская ценностная система (и ее трансгрессия) не являются в теории Бродского исходной точкой развития стихотворения — напротив, «сильные» библейские образы Бродский прибегает для финала. «Система христианства замечательная парадигма, которой пользуешься в своем творчестве. Это такие архетипические ситуации, которые как бы расширяют понятия» [1, с. 615]. То есть Бродский недвусмысленно отводит христианству композиционную роль. Очевидней всего эта тенденция завершать свои тексты христианской цитатой проявляется в так называемых «больших

стихотворениях» Бродского, в полной мере реализующих претензии поэта на языковую всеохватность и гармонизацию мира.

Часто тема христианства появляется в тех местах интервью поэта, где он комментирует собственное чтение (называя его «литургическим»), сравнивая свою манеру с пением псалмов [1, с. 142]. По Бродскому, стихотворение звучит, поется, поэтому не терпит тишины, умолчаний и пауз, являясь «искусством красноречия» [2, т. VII, с. 166].

Бродский называл некоторые свои стихи «центростремительными», прежде всего «Рождественскую звезду» [1, с. 603], заканчивающуюся так:

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
из лежащего в яслях ребенка издаലെка,
из глубины Вселенной, с другого ее конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца.

Бродский ревностно обрушивается на так называемую «религиозную поэзию», перекладывающую в стихи общие места священных текстов. От Бродского больше всего достается «провинциальным визионерам» [2, т. VI, с. 166] и всем спекулирующим на мистическом опыте. Поэт считает, что живой религиозный смысл в стихотворении должен быть выражен иначе: разрушен и собран заново.

Критикуя Бродского за лингводицею, за «христианство без Христа», Седакова все же отмечает в его стихах присутствие единого стержня, внутреннего достоинства, который она связывает с чувством непрестанной памяти о смерти, «барочной травмой тления» [6, т. III, с. 500] и сетует, что за этим Бродский не замечает — отказывается замечать — доброкачественность бытия; что за стихией уносящего времени поэт не видит его созидательной силы. Однако эта ценностная цельность выгодно отличает Бродского от его эпигонов и сообщает, по Седаковой, его стихам особенное качество — этос [4, с. 223].

Литература

1. Бродский И. Книга интервью / Изд. 5-е, испр. и доп. — М.: Захаров, 2011. — 784 с.
2. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. — СПб.: Пушкинский фонд, 2001–2003.
3. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. — М.: Независимая газета, 1998. — 327 с.
4. Полухина В. Бродский глазами современников: сб. интервью. — СПб.: Журнал «Звезда», 1997. — 336 с.
5. Седакова О. В поисках «нового благодорства». Разговор со Свято-Петровским малым православным братством. — URL: <http://www.olgasedakova.com/interview/1511> (дата обращения: 21.04.2022).
6. Седакова О. Четыре тома. — М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010.
7. Эпштейн М. Постатеизм, или Бедная религия. — URL: <http://magazines.russ.ru/october/1996/9/epsh.html> (дата обращения: 21.04.2022).